

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дорджиева Е.В. А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа» // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69728 EDN: GBHNDB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69728

А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа»

Дорджиева Елена Валериевна

ORCID: 0009-0007-3399-9024

доктор исторических наук

профессор, кафедра социальных и гуманитарных наук, МИРЭА - Российский технологический университет

119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1 с.5, каб. Б-302

✉ evdord@yandex.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69728

EDN:

GBHNDB

Дата направления статьи в редакцию:

01-02-2024

Дата публикации:

10-02-2024

Аннотация: Объектом исследования является восприятие «внутренним» путешественником кочевого народа Российской империи на примере калмыков. Материалом исследования стало «Описание калмыцкого народа» поэта, переводчика и издателя А. Ф. Воейкова (1779-1839), основу которого составили дневники путешествия по югу России в 1813 году. В путевых записках литератор уделяет особое внимание осмыслению нравов и традиций калмыков. Исследование авторского нарратива проведено с целью выявления мотивов обращения к истории калмыков, изучения их образа, созданного путешественником с помощью лингвистических средств, особенностей репрезентации «чужого» пространства, способов «ментального присоединения» провинции. Актуальность обращения к работе Воейкова обусловлена малой степенью использования данного произведения в калмыковедении. Содержание

образа калмыков исследуется в контексте традиции отношения к кочевникам, сложившейся в литературе путешествий первой половины XIX века. Историко-биографический метод позволил выявить, как личность А. Ф. Воейкова проявилась в его произведении. В качестве теоретической базы привлечены труды исследователей его биографии и литературного творчества. С помощью историко-системного метода изучен политический и идеологический контекст обращения литератора к истории калмыков. Научная новизна состоит в обращении к малоизученному историко-этнографическому очерку, в выявлении возможности его использования в научном обороте. Анализ «Описания» позволил выявить его историко-этнографический характер. Цели литератора заключались в просвещении читателей журнала «Сын Отечества», донесении до них информации об истории, образе жизни, хозяйстве, повседневности, религии, культуре кочевников, сравнение с которыми укрепляло собственную идентичность. Вместе с тем, травелог Воейкова использует традиции колонизирующего путешествия. Описание Калмыцкой степи осмысляется как имперское пересоздание диких земель, созидание цивилизации и утверждение российской государственности. Литературный опыт позволил Воейкову интерпретировать подмеченные особенности образа жизни и ведения хозяйства калмыков, умело использовать труды своих предшественников и устные сведения компетентных лиц. Возможность использовать представленные в статье результаты как для дальнейшего изучения наследия А. Ф. Воейкова, так и для исследования истории калмыцкого народа определяют практическую значимость работы.

Ключевые слова:

Александр Воейков, калмыки, хозяйство калмыков, кочевники, повседневность, ламаистское духовенство, законы калмыков, образ калмыков, Бенджамин Бергман, Николай Страхов

Исследователям литературного процесса XIX века хорошо известна личность поэта, переводчика, издателя, журналиста Александра Федоровича Воейкова. В калмыковедении упоминание о нем не встречается. Между тем, литератор является автором «Описания калмыцкого народа», опубликованного в 1822 году в журнале «Сын Отечества» [\[1\]](#). Необходимость целенаправленного исследования этого историко-этнографического произведения Воейкова определила актуальность настоящей статьи. Ее цель осветить одну из малоизвестных сторон деятельности А. Ф. Воейкова как исследователя истории калмыцкого народа. Перед нами стояли задачи составить историографический анализ произведения, выявить биографические обстоятельства «знакомства» литератора с калмыками, контекст обращения к их истории, образ калмыков, созданный в «Описании».

Историко-биографический метод позволил выявить, как личность Воейкова проявилась в его произведении. Для установления оригинальности мы сравнили «Описание» с работами других авторов, писавших о калмыках. Использование историко-системного метода позволило показать влияние политических и идеологических факторов на исследование литератора. В силу неизученности вопроса о вкладе Воейкова в калмыковедение в качестве теоретической базы привлечены лишь труды исследователей его биографии и литературного творчества [\[2-5\]](#). Возможность использовать представленные в статье результаты как для дальнейшего изучения наследия А. Ф. Воейкова, так и для исследования истории калмыцкого народа определяют практическую значимость работы.

Александр Федорович Воейков (1779-1839) происходил из старинного дворянского рода, был выпускником Московского университетского благородного пансиона, в 1796-1801 годах служил в конной гвардии. После выхода в отставку в 1801 году он поселился в Москве на Девичьем поле. В его «ветхом поддевичьем доме», воспетом А. И. Тургеневым [\[6, с. 238\]](#), каждую субботу происходили собрания Дружеского литературного общества, в котором сочетались «три ведущие тенденции литературы допушкинского периода: направление мечтательного романтизма, связанное с именем Жуковского; представленное Мерзляковым направление, чуждое дворянской культуре и развивавшее традиции демократической литературы XVIII в., и, наконец, направление Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова ... в деятельности которых отчетливо проступают черты, подготавливающие литературную программу декабризма» [\[2, с. 25\]](#).

Здесь начался литературный путь Воейкова, сформировалась его позиция, о которой красноречиво свидетельствуют, по мнению Ю. М. Лотмана, его тираноборческие речи на заседаниях Общества. В одной из них, посвященной императору Петру III, он прославляет императора за уничтожение Тайной канцелярии, дарование вольности дворянской и секуляризацию церковных земель, говорит о готовности «собравшихся здесь юных Россиян, оживленных пламенною любовью к Отечеству» взойти ради родины на эшафот. В речи «О героизме» он заявляет, что главная гражданская добродетель заключается в героизме и презрении к смерти. В речи, произнесенной спустя два месяца после убийства императора Павла I, он говорит, что «предприимчивость свергает с престола тиранов, освобождает народы от рабства, обнажает хитрости обманщиков, открывает ослепленным народам в жрецах их коварных тунеядцев, в богах — истуканов» [\[2, с. 30-32\]](#). Если Лотман считал, что Воейков привлекал к себе внимание умом и смелостью языка, то В. М. Истрин видел в нем лишь «хорошего собеседника, умевшего угостить своих товарищей». [\[7, с. 51\]](#).

В этот период литератор-вольнодумец активно сотрудничал с журналом «Вестник Европы», где в 1806 году появилось его стихотворение, посвященное реформатору М. М. Сперанскому. Он перевел «Историю царствования Людовика XIV и Людовика XV» Вольтера, «Сады, или искусство украшать сельские виды» Ж. Делиля. Наибольшей известности литератору удалось добиться благодаря сатире «Дом сумасшедших» с острой критикой современников. По словам М. А. Дмитриева, после окончания Отечественной войны его имя между молодыми литераторами «произносилось с почетом, наравне с именами Жуковского и Батюшкова, с которыми он составлял нераздельный триумвират» [\[8, с. 129\]](#). В 1816 году Воейков стал членом литературного общества «Арзамас», где имел прозвище «Дымная печурка» или «Две Огромные Руки», в 1820 году – членом Вольного общества любителей российской словесности.

Вопрос о причастности литератора к движению декабристов требует дальнейшего исследования. Генерал И. Г. Бурцев, один из руководителей «Союза благоденствия», во время следствия признался, что Воейков состоял в этой организации. Однако эту информацию не подтвердили другие члены-учредители Союза, состоящие в «Коренной думе», поэтому литератор избежал санкций.

Другую сторону Воейкова раскрывают его непростые отношения с В. А. Жуковским и брак с его племянницей Александрой Андреевной Протасовой, адресатом баллады «Светлана». Воейков не поддержал друга, влюбленного в Марию Андреевну Протасову, сестру Александры. При сватовстве он утаил растрату части отцовского наследства. В браке литератор проявил себя как домашний тиран, супруга страдала от его

неуравновешенного характера, пьянства, частных скандалов и карточных долгов [\[9, с. 53\]](#). Н. И. Греч в воспоминаниях печалился, что прекрасная, добрейшая, умная Александра Андреевна была мученицей и жертвой «этого гнусного изверга», который ей «обязан был всем существованием» [\[10\]](#).

Третья сторона натуры Воейкова раскрылась в Дерптском университете, где в 1814 году он оказался благодаря протекции Жуковского. Однако преподавательская деятельность на историко-филологическом факультете не сложилась, хотя в 1818 году он был удостоен степени доктора философии *honoris causa* [\[11, с. 352\]](#). Воейков перессорился с коллегами, писал доносы на них петербургскому начальству. Когда он принял решение о переезде в Петербург, дерптские кредиторы воспрепятствовали выезду из города. На выручку пришел брат Иван Федорович, выплативший долг и поручившийся за брата [\[12, с. 5\]](#).

В Петербурге в 1820 году В. Жуковский и А. Тургенев помогли Воейкову устроиться преподавателем русской словесности и соиздателем «Сына Отечества». Жуковский, чтобы поддержать свою крестницу Александру Андреевну, с 1822 года поселился в квартире Воейковых. В салоне умной, привлекательной, художественно одаренной Александры Андреевны, вызывавшей восхищение многих современников, на Невском проспекте напротив Аничкова дворца собирался литературный цвет Петербурга. В 1822 году при помощи Жуковского литератору удалось взять в аренду военную газету «Русский инвалид». По примеру Греча он решил издавать приложения к газете: «Новости литературы», «Славянин» и «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“». Популярность Воейкова выросла благодаря его положению издателя «Сына Отечества» и «Русского инвалида», критике реакционера М. Л. Магницкого, «разгромившего» Казанский университет, острым обличениям А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, яростной полемике с Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным. Исследователи истории отечественной журналистики первой половины XIX века называли литератора опытным полемистом, при этом отмечали отрицательные черты в его деятельности: «он был литературным дельцом и коммерческие интересы своих изданий ставил на первый план. Он зачастую бесцеремонно, безо всякого ведома авторов, перепечатывал их произведения в своих журналах. В 20-е годы вошел в обиход даже особый термин «воейковствовать», «воейковщина», имевший определенный предосудительный смысл» [\[13, с. 584\]](#). Такова была противоречивая натура А. Ф. Воейкова, которого Лотман не случайно назвал мистификатором, имеющим много «лик» [\[2, с. 430\]](#).

В 1822 году в 5-7 номерах журнала «Сын Отечества» Воейков разместил «Описание калмыцкого народа». Отметим, что роль журналов первой половины XIX века была значительна. Они служили источниками просвещения, доносили разнообразную информацию, порождали традицию непрерывного чтения, развивали художественные вкусы. С подачи директора Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленина и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова осенью 1812 года в разгар народной войны против наполеоновского нашествия Николай Иванович Греч основал «Сын Отечества» с благородной целью – пробудить в сердцах читателей патриотические чувства. Она вызвала отклик императора Александра I, выделившего тысячу рублей на организацию журнала. Изначально в нем освещался ход военной кампании, печатались очерки о защитниках Отечества. На страницах журнала появились «Послание к русским» А. П. Куницына, фрагменты «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Вступления в историю освобождения Соединенных Нидерландов» Ф. Шиллера, патриотические басни И. А. Крылова «Ворона и курица», «Волк на псарне», «Обоз»,

«Щука и Кот», посвященные М. И. Кутузову, антифранцузские карикатуры А. Г. Венецианова и И. И. Терещенкова. В отличие от А. Шишкова и С. Глинки, в изданиях которых господствовали официальный патриотизм и правительственная народность, Греч вопросы патриотизма и народности решал в духе гражданского свободомыслия.

После завершения военных действий «Сын Отечества» постепенно превращался из общественно-политического в литературный. В 1815-1825 годах в его номерах печатались произведения лучших представителей русской литературы: А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, А.А. Дельвига, Н. И. Гнедича, Д. В. Веневитинова, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского. Сотрудничество с Гречем участников декабристских обществ Ф. Глинки, А. Одоевского, А. Бестужева, А. Корниловича, Н. Муравьева, К. Рылеева, Н. Тургенева, В. Кюхельбекера, отстаивавших принципы гражданского романтизма, придало журналу передовой характер.

Став соиздателем Греча, Воейков, отвечавший за раздел критики, задался целью разнообразить материал. Специфика журнала как периодического издания позволяла размещать увлекательные и доступные сведения о природе России и ее народах, знаменитых людях, обычаях и традициях, что соответствовало общественным запросам в условиях подъема национального самосознания, вызванного Отечественной войной 1812 года. Интерес к «внутренним» путешествиям объясняет наметившийся в конце XVIII века этнографический бум, «открытие» провинции, которому способствовали академические экспедиции. В 1820-е годы в «Сыне Отечества» Воейков опубликовал ряд обзоров российских губерний, в основу которых легли его дорожные записки, составленные во время путешествий по стране. Как признавался литератор, «с 1802 года каждое лето было мною посвящено на обозрение какой-нибудь отечественной области: то Казани и Нижнего Новгорода, то Киева и Чернигова, то Воронежа, Харькова и Екатеринославля. Я был тогда в цветущей молодости и путешествовал по воле. В 1813 году должен был ехать на Кавказ по неволе» [\[14, с. 2\]](#). По мнению О. Б. Лебедевой, путешествие по южным губерниям России он предпринял в связи с тем, что «расстроенные имения древнего дворянского рода Воейковых находились на юге Саратовской губернии недалеко от Сарепты, колонии немцев-евангелистов, основанной в 1765 году вблизи Царицына» [\[15, с. 100\]](#). Сам же литератор писал, что страдал «от сильной простуды в голове и спине чувствовал я медленную пышку и не мог ни спать, ни шагу сделать без боли» и «живучи в Сарепте, я ожидал себе товарища и сослуживца и друга И. В. С-ва, который вместе со мной желал прибегнуть к целительным водам для поправления здоровья, службою расстроенного» [\[14, с. 4\]](#). Из Сарепты в 1813 году он направился на корабле по Ахтубе к Царевскому городищу, затем далее на Кавказ.

Обратившись к истории калмыков, Воейков изучил исторические, географические и статистические труды («Географический словарь Российского государства» А. Щекатова, «Топографию Оренбургской губернии» П. Рычкова, «Описание народов, в России обитающих» И. Георги, «Нынешнее состояние калмыцкого народа» Н. Стрехова, «Дневные записки» И. Лепехина, «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802-1803 годах» Б. Бергмана и др.), получил устные описания от лиц, долгое время живших среди кочевников, что придало его произведению историко-этнографический характер.

Начинается «Описание» с экскурса в историю калмыков. Воейков связывает происхождение этнонима «калмык» с татарским «Халимек, народ отделившийся» или с монгольскими словами: «гол огонь и аймак род, поколение; Голай-мак, или Холи-мак - значит огненная порода, огненный народ». Калмыков или «дербен-орет» (дэрбэн-ойратов – Е. Д) литератор называет «коленом монгольского народа», выделяя в их

составе «хошоутов», «зоонгорцев», «дербетов» и «торгоутов» [1, с. 207-208]. С одной стороны, он показывает административно-территориальный характер объединений ойратов: «зоонгорцы» кочевали по Китайской и Сибирской границе при реке Или, впадающей в озеро Балхаш-Нур, а дербеты перекочевали из Восточной Джунгарии в Западную к вершинам рек Ишима и Тобола. С другой стороны, упоминает, что торгоуты являлись «потомками телохранителей» Чингис-хана, а хошоуты витязями или богатырями, названными так за свою храбрость. Его знаний, конечно не хватило, чтобы объяснить, как произошла трансформация войсковых подразделений в этнополитические.

При кратком описании ранней истории калмыков в России он называет причинами перекочевки торгоутов Хо-Урлюка в Россию ссоры с хошоутскими и зюнгарскими владельцами. Называя Хо-Урлюка мудрым владельцем, Воейков перечисляет среди его достижений завоевание хатай-капчитских, малибашских, джетаканских и джембулукских татар и написание Уложения 1640 года. Он считает, что ранняя история калмыков в России была временем своеволий. Упомянув, что при пожаре Казанского приказа сгорели шерти (присяги на верность – Е. Д.) Аюки, Воейков пишет, что хан и его наследники, «получив высокое мнение о своем могуществе, вместе с Крымцами, Кубанцами и Нагайцами грабил и жег селения в Пензенской, Симбирской, Уфимской и Астраханской губерниях». Лишь усилиями астраханских губернаторов В. Н. Татищева, В. В. Неронова и Н. А. Бекетова калмыки были введены внутрь учрежденной военной линии от Царицына до Саратова и от Царицына до Астрахани и усмирены.

Понимая, что религия — это реальная социокультурная составляющая идентичности, Воейков уделяет ей значительное внимание в своем трактате. Он делит калмыков на христиан, мусульман и идолопоклонников. Ссылаясь на сообщения И. Георги и П. Рычкова, литератор пишет, что ставропольские калмыки сохраняют свою одежду, пищу, обычаи, традиционный образ хозяйствования и только зима и глубокий снег вынуждают их делать заготовки сена и устраивать стойла для скота.

Небольшая группа калмыков-мусульман, проживающих в отведенной деревне в Оренбургской губернии в Челябинской округе на восточной стороне Уральских гор, по его словам, занимается скотоводством, живет в войлочных кибитках, соблюдает мусульманские обряды, несет казацкую службу наряду с башкирами и несмотря на смешанные браки сохраняет типичный внешний облик («широкие лица, узкие глаза и длинные отвислые уши отцов своих»).

Подробно останавливается автор на изучении традиционной религии, которой придерживается основная масса калмыков. Он сообщает читателю, что их традиционные воззрения калмыков включают представления о происхождении мира из хаоса, делят мир на четыре эпохи: «в первой век жизни человеческой уменьшился от восьмидесяти тысяч лет до ста лет. Люди возносились живые на небо». Во второй эпохе в настоящее время уменьшились рост людей и продолжительность их жизни, пропала добродетель, возникло земледелие, беспрестанная вражда привела к образованию монархий. И только бурханы пытались иногда восстановить нравственность. С наступлением третьей эпохи «все будет на земле уменьшаться: слон сделается с барана, а лошадь с зайца; люди будут жениться на пятом году от роду, дряхлеть на десятом. Все кончится тем, что море крови затопит вселенную» [1, с. 225]. Возобновление мира, а вместе с ним восстановление добродетели и увеличение продолжительности жизни произойдут в четвертую эпоху. Автор уточняет, что переселение душ – удел исключительно добродетельных людей, отмечает разнообразие бурханов, а также множественность раев

и адов. Он дословно воспроизводит десять правил калмыцкой веры и текст молитвы, позаимствованные из работы главного пристава калмыцкого народа Н. И. Страхова «Нынешнее состояние калмыцкого народа», рассказывает о богослужении на калмыцких праздниках.

Оценивая степень влияния буддийского духовенства, он пишет, что после прекращения контактов с Далай-ламой каждый лама в своем улусе в силу специфики жизни кочевников стал практически независимым. К его функциям относятся посвящение в духовенство, отпущение грехов, благословление, погребение умерших, чтение молитв. Помимо лам к духовным лицам он относит гелюнгов, гецулей, манджиков, упоминает отшельников. Литератор описывает идолослужебные кибитки: «в них стоят на возвышенном месте бурханы, а перед ним в серебряных жертвенных чашах сарацинское пшено, орехи, молоко; в подсвечниках горят свечи, в лампах масло, а в курильницах разные ароматы. Вокруг расставлены знамена, книги, бубны, трубы, гобои, кружки с погремушками, колокола, колокольчики» [\[1, с. 244\]](#).

Вопрос о численности калмыцкого духовенства, поднятый Страховым, беспокоит Воейкова. Увеличение числа духовных лиц, составляющих десятую часть населения, он связывает не только с нарушением древнего закона, согласно которому только один мальчик посвящался в монахи, но и с завещаниями суеверных калмыцких нойонов (владельцев улусов – Е. Д.), которые отдают во владение монастырям целые семейства. Автор с осуждением пишет о тунеядстве молодых священнослужителей и покровительстве со стороны лам, взимающих деньги за причисление к духовному сословию, фиксирует различия между поколениями молодых и старших священнослужителей. Последние, по его словам, «будучи просвещеннее дворянства и даже владетельных князей своих, занимают места народных правителей, судей, врачей, полицмейстеров; они заводят, решают и прекращают тяжбы» [\[1, с. 246\]](#). Критически оценивает Воейков источники обогащения буддийского духовенства.

Суеверие калмыков Воейков объясняет невежеством и предрассудками и отмечает, что важные дела предпринимаются по совету астролога. Он пишет об особенных жрецах, определяющих по старинным книгам счастливые дни, обязанности, опасности и болезни, год вступления в брак и смерти. Литератор перечисляет народные приметы калмыков: запреты убивать журавлей, сидеть на пороге, ходить по золе, держать ноги близко ко огню, закуривать трубку лоскутком бумаги, приведенные ранее в труде лютеранского пастора Б. Бергмана, который провел среди калмыков пятнадцать месяцев в 1802-1803 годах.

Самое значимым современным событием для калмыцкого народа Воейков вслед за Н. Страховым называет исход калмыков в Китай в 1771 году. Он осуждает решение наместника Убаши, отмечая, что почти все участники похода погибли в дороге от холода, лишений и «хищных» народов. Восстановление Павлом I суда Зарго, института наместничества, определение земельных прав калмыков литератор называет счастливыми и достопамятными переменами в их жизни. Он пишет, что в России осталось 100 тысяч калмыков, разделенных на три орды: дербеты (10 тыс. кибиток), торгоуты и хошоуты. Дербетевские калмыки кочуют от Царицына до Кумы, торгоуты от Черного Яра и Енотаевска до Кумы, хошоуты близ Астрахани по обеим сторонам Волги. Небольшое число джунгар разделено между оставшимися в России ордами после побега 1771 года. Социальная структура калмыцкого общества, по словам Воейкова, включает белую кость (высшее духовенство и владельцы) и черную кость (низшее духовенство и простолюдины). Словами Бергмана литератор критикует социальные различия:

«Дворянин никак не согласится пить из одного сосуда с простолюдином; также не войдет в его кибитку, разве до самой крайней необходимости. Простой калмык не может сесть на матрац, принадлежащем дворянину; самое достоинство жреца не заглаживает на нем пятна породы» [\[1, с. 254\]](#).

При описании правовых отношений у калмыков он вновь обращается к книге Н. Страхова, цитирует древние законы о наказаниях за преступления против жизни, против здоровья, половые преступления, оскорбления, кражи, бегство в поля боя и оставление владельца в опасности, укрывательство беглых людей, оставление духовного звания, фиксирует наличие калыма и правило ежегодно «из сорока кибиток женить холостых четырех человек; каждому в заплате за невесту должны вспомоществовать десять семейств, а если кто из сих четырех человек, по неполучению помощи, останется холостым; за то с 10 кибиток взыскивать 2 верблюдов, 5 лошадей и 10 овец». Литератор знакомит читателей с порядком судопроизводства: «Без истца и ответчика запрещено производить суд, и без свидетелей в жалобах положено не верить. Всякой тот должен быть обвинен, кто после трех повесток в суд не явится. Навсегда лишаются достоинства те судьи, которые три дела решили несправедливо» [\[1, с. 257\]](#). Воейков отмечает недостаток и архаичность законов калмыков, нерадение судей в силу которого введена присяга в судопроизводство, особый статус духовенства («преступления против него считаются важнее, нежели против отца и матери; легче убить рабыню, нежели обесчестить жреца словом»). Словами Б. Бергмана он объясняет, что тяжкие преступления редки среди калмыков, потому что «нравы их суровы, но не злы». Единичные убийства совершаются в «первом жару гнева, ибо они весьма пылкого сложения».

Литератор сообщает читателям, что калмыки обладают превосходными физическими данными, прежде всего, тонким обонянием, острым слухом и зрением. Он приводит замечание Бергмана, что уральские казаки, промысляющие рыболовством, «ищут Калмыцких рыболовов, и по их совету смело бросают невод, будучи твердо уверены в счастливой тоне. У Калмыцких пастухов глаз так долго помнит замеченные признаки, что, взглянув на стадо, тотчас узнают они, сколько и какой недостает скотины» [\[1, с. 259\]](#). Поразила Воейкова и чрезвычайная память кочевников, порожденная привычкой ориентироваться в степном пространстве», благодаря которой они легко удерживают в голове множество народных преданий, обширные отрывки из религиозных текстов.

Он пишет о живом плодovitом воображении, большом остроумии и проницательности калмыков. Высокого мнения Воейков о способности калмыков к обучению. Он отмечает точность и скорость, с которой они воспринимают новую информацию, легкость в изучении языков «даже тех народов, у коих случается им прожить весьма короткое время», красноречие. Литератор пишет, что в каждом улусе бакша (учитель - Е. Д.) обучает детей чтению, письму, богословию, арифметике, истории, географии, астрономии, астрологии, медицине. Однако уровень знаний оставляет желать лучшего, так как преподавание ведется «сообразно своим о них понятиям, кои весьма ложны». Среди недостатков степняков литератор называет склонность к пьянству и карточной игре, неопрятность («дети их летом ходят совсем нагие; едят калмыки все: падаль, мышей, сусликов, кишки, траву»), тягу мужчин и женщин к курению («сарептские колонисты продают им его ежегодно более, нежели на 50000 рублей»).

В описании внешности калмыков Воейков избегает стереотипов и оценочных суждений. Он констатирует средний рост, сухощавость, статность степняков и визуальные признаки: «Лице у них так плоско, что Калмыцкий череп от всякого другого отличить можно. Глаза

узкие и уголки их плечи, нежели у Европейцев; губы толсты, нос приплюснут и мал, ноздри широкие, подбородок короткий, волосы на бороде редки и показываются поздно; зубы ровные и белые, как жемчуг; цвет лица у мужчин красно-смуглый, у женщин румяно-смуглый, кожа очень нежна, уши оттопырились и весьма длинны; волосы у всех черные; ноги кривые, не от природы, а от сиденья в присядку и от всегдашней верховой езды» [\[1, с. 261\]](#).

Исследователям истории повседневности кочевников будут полезны замечания Воейкова о перекочевке калмыков, сделанные на основе путевых записок академика И. Лепехина: «На несколько верст вдоль по пустыне видно странствование целого народа! Все пожитки, посуда и кибитки богатые вьючат на верблюдов, а бедные на быков и коров. Женщины, девушки, малые ребята верхом гонят табуны и стада. В обозе богатого Нойона ила Зайсанга верблюды украшены мохрами и кистями, лошади колокольчиками и гремушками; поклажа покрыта богатыми коврами и попонами. Господин с дворовыми людьми своими едет впереди гордо и имея шапку на бекрене; за ним управитель его или конюший с значком в руке; по обеим сторонам верблюжьих седел приделаны, как ящики, детские колыбели; их набивают пухом и сажают туда Калмычат, которые оттуда, как сурки из норы выглядывают» [\[1, с. 295\]](#).

Он описывает для читателей войлочные кибитки степняков с раскрашенными красной краской деревянными стойками, кольями и переплетами, отверстием для дыма вверху и местом для огня посреди кибитки. Отмечает, что интерьер кибиток нойонов и зайсангов (управителей аймаков – Е. Д.) богаче, они покрываются белым войлоком, «стены обиты шелковыми тканями, полы устланы персидскими коврами, постели с богатыми занавесами, бахромою и зеркалом; по сторонам развешена богатая одежда и оружие; на коробке, обитой железом и выкрашенной голубою краскою, и заключающей деньги и драгоценности, стоит домашний идол, а перед ним курильница, жертвенные чаши с сарацинским пшеном и изюмом, восковые свечи, и пр. Надобно однакож признаться, что и в великолепных княжеских кибитках не наблюдается ни малейшей опрятности, и отвратительный запах терзает обоняние» [\[1, с. 262-263\]](#).

Согласно «Описанию», хлеб является для степняков роскошью, «обыкновенное питье их состоит в кислом молоке, сыворотке, вине из кобыльего молока и простой воде. Они большие охотники до чаю; его, также как и другие товары, привозят к ним торгующие в улусах армяне, которые для калмыков тоже, что для европейцев французы», «по большей же части питаются ржаною мукою, которой пригоршни, брошенные в кипящий котел и посоленные, достаточны на сутки для целого калмыцкого семейства». Литератор отмечает тонкости столового этикета нойонов и зайсангов: «едят не на столах, а на коврах, по земле разостланных, и руками. Есть у них фарфоровая, оловянная и серебряная посуда» [\[1, с. 263\]](#).

Он описывает одежду кочевников: «Одежда мужчин Татарская, голодный убор Китайский: полусапожки черные или сафьянные цветные, шаровары, полукафтаны из легкой ткани с узкими рукавами и Лонс, к которому привешены сабля, нож, трубка, мешок с табаком, кремнем, и огнивом; суконный кафтан с широкими рукавами. Голову бреют, оставляя на темени хохол, который заплетают в три косы. На голове желтая скуфейка с кисточкою. Бедные ходят без рубах и босиком, и в величайшие летние жары носят овчинный тулуп на голом теле. Если зной нестерпим, то спускают его с плеч по пояс и ездят верхом нагие». Женская одежда отличается от мужской тем, что «вместо кафтана имеют верхнее платье без рукавов и особенного покроя». Женщины не стригут волосы: «девушки заплетают их в тонкие косы, которые висят около затылка; женщины носят

только две косы. В ушах висят огромные серьги, а пальцы унизывают перстнями и кольцами. Девушки румянятся и белятся» [\[1, с. 264\]](#).

Калмыцкие женщины вызывают у литератора симпатию. Он полагает, что они трудятся больше мужчин: «выделывают меха, шьют одежду и обувь, валяют войлока, делают масло, сыр, и вино, прядут верблюжью и овечью шерсть, ткут тесьму, седельные подпруги и армяки». К заботам степняков он относит уход за скотом, изготовление кибиток, отмечает наличие в улусах ремесленников (серебряников, слесарей и кузнецов). Лень мужчин Воейков объясняет их убежденностью, что калмыку «не благородно заниматься работою».

Главным богатством калмыков и одновременно предметом их особой заботы Воейков называет их стада. Он отмечает сложности, с которыми приходится сталкиваться кочевникам, чей скот весь год находится на подножном корму, поэтому долгие и снежные зимы вызывают большой падеж. В 1813 году, по данным литератора, у калмыков насчитывалось 75000 верблюдов, 300000 лошадей, 200000 коров, до 1000000 коз и овец. Однако степняки из-за суеверий не дают точных данных о количестве скота, поэтому, предполагает наблюдатель, истинная численность может достигать 3000000 голов в целом.

Описывая состояние калмыцкого народа, опутанного суевериями и находящегося под властью своих владельцев и духовенства, литератор называет образ жизни калмыков первобытным. В создании образа калмыков он использует нарратив Бергмана: «между всадником и конем приметно разительное сходство в характерах, и что о многих народах можно сказать то же. Например: Турецкие лошади пылки, быстры и суровы, но скоро устают и имеют нужду в долговременном отдыхе; Русские лошади отважны, сильны, терпеливы, пробежав большое расстояние, отдыхают немного — и опять готовы в дорогу; Немецкие сильны, возят на ровной дороге большие тягости, но к скорому бегу и большим упряжкам неспособны. Калмыцкие лошади малорослы, горячи и крепки. Они скачут как вихрь по нестерпимому зною и быстро пробегают расстояние невероятное» [\[1, с. 294\]](#).

Воейков отмечает как успешность скотоводов в лечении животных, в особенности, переломов и вывихов, так и низкий уровень развития медицины в улусах, ограниченность местных лекарей, которые только щупают пульс и рекомендуют воздержание от пищи. Положительно оценивая деятельность сарептского доктора Карла Яна, прививающего оспу калмыкам, он сравнивает ее с абсурдными способами лечения у степняков: «Бергман уверяет, что видел одного калмыка, который по утру и ввечеру принимал по 11 гран купоросу, и в 4 дни совершенно вылечился»; калмыки лечат сежикте (гипохондрию – Е. Д.) возведением «на больного какой-либо напраслины, обвинение в воровстве, убийстве, и проч. В добавок же к тому нещадно бьют и секут больного, и таким чувствительным средством возвращают гипохондрика от мечтательного страха к боли телесной» [\[1, с. 266\]](#).

Кратко описывает Воейков обряды жизненного цикла. Он отмечает, что роды неизнеженных калмычек легки по причине их близости к природе и трудолюбию. За невест мужчины платят калым, бракосочетание проводится в новой кибитке и состоит в чтении жрецом молитвы, окуливании женской скуфейки (головного убора – Е. Д.) и благословлении невесты, которой заплетают волосы в две косы и приступают к пиршеству. Похоронные обряды калмыков, по его словам, просты: умерших простолюдинов «бросают в овраги, в леса или в воду, а знатных, особливо лам, сжигают

с торжественными обрядами» [\[1, с. 267\]](#).

Народными увеселениями он называет скачки на лошадях и борьбу, забавой владельцев – охоту. Литератор отмечает своеобразие калмыцких танцев: «Калмыки пляшут, можно сказать, не ногами, а руками, из коих делают разные фигуры, двигают и действуют ими согласно с тонами музыки, изворачиваются на бок до самой земли, гнут голову назад до самых ног, и почитают это за верх искусства, совершенства и приятности» [\[1, с. 296\]](#). По вечерам, отмечает он, калмыки любят слушать длинные сказки под балалайку.

Желая расширить представления читателей о культуре калмыков, Воейков размещает в «Описании» народную плясовую «Савардин», единственную веселую среди «печальных и протяжных» калмыцких песен, повесть «Водопад и камень», сказку «Левый глаз», 22 пословицы, записанные Н. Страховым. Такое лирическое отступление характерно для травелога начала XIX века, отличавшегося «парадоксами литературности» [\[16, с. 59\]](#).

В заключении размышляя о нынешнем состоянии калмыков в Российской империи, он отмечает перемены, связанные со снижением их военной активности: «Это уже не те Калмыки-воины, которые столь храбро сражались при Амурсанане, Аюк-Хане и Дундук-Амбо!», они ненадежны для охраны границ от набегов хищных соседей и в настоящий момент привлекаются лишь для охраны пограничной цепи на луговой стороне Волги. Кризис Калмыцкого общества, связанный с уменьшением численности калмыков после исхода 1771 года, привел к падению «духа» калмыков, превращению их в «мирных пастырей», о чем свидетельствуют, по мнению Воейкова, случаи «в войне против бунтовщика Пугачева, на Кавказской линии и в Персии». Вместе с тем литератор, принимавший участие в Отечественной войны 1812 года, пишет о том, что в борьбе с Наполеоном калмыки «сражались мужественно, и многие украшены знаками отличия». Он отмечает важность военной истории для идентичности калмыков, пишет, что они с гордостью вспоминают, к примеру, участие в Семилетней войне.

Воейков присоединяется к высказанному ранее академиками Палласом и Лепехиным, главным приставом Страховым мнению о пользе калмыцкого скотоводства для России. Рассуждая о природно-климатической обусловленности номадизма, он пишет, что «Если бы всем Европейским Академиям и Университетам задан был вопрос о средствах обратить бесполезно пропадающие неизмеримые пустыни, в места заселенные и большое богатство Государству доставляющие, то без сомнения не придумали бы они к тому средств лучше тех, какие употребляют Калмыки» [\[1, с. 307-308\]](#). Литератор считает, что в условиях евразийских степей и полупустынь кочевое скотоводство калмыков, которое при минимальных затратах труда позволяло получать максимальную отдачу в виде молока, мяса, шкур, оказалось наилучшим приспособлением хозяйства к скудным ресурсам среды. Он пишет, что ежегодные продажи скота и шерсти достигают 1,500,000 рублей, что «доказывает, что ни одна Европейская держава не имеет ни в Азии, ни в Америке колоний, в которых до такой степени процветало бы скотоводство» [\[1, с. 308\]](#).

Сравнительный анализ «Описания» Воейкова показал, что автор использовал при сочинении своего труда опубликованные в конце XVIII – начале XIX века работы участников академических экспедиций П. Палласа, И. Георги, путешественников Б. Бергмана и И. Лепехина, российских администраторов П. Рычкова и Н. Страхова. При детальном сравнении текста «Описания» с текстами вышеназванных авторов, обнаруживается открытое и скрытое (без указания автора) цитирование. Эти заимствования создают эффект раздвоенности путешественника и автора-повествователя. Воейкову приходится, с одной стороны, следовать определенным

шаблонам, с другой - размышлять над собственной нарративной стратегией в индивидуальном «слове о путешествии».

Информаторами Воейкова были хорошо знакомые с калмыками Христиан Гамель и Конрад Нейц. Первый прибыл в Россию после приглашения императрицы Екатерины II и стал одним из основателей немецкой колонии Сарепта близ Царицына, где выполнял обязанности полицмейстера. Основу этого поселения составляли, как известно, последователи одного из течений в протестантизме гернгутеры. Их цель заключалась в обращении в христианскую веру калмыков, киргизов и татар. Члены этого братства составили немецко-калмыцкий и калмыцко-немецкий словари, грамматику калмыцкого народа. Воейков познакомился с Гамелем и Нейцем во время путешествия 1813 года. Он восхищался предпринятым миссионерами Нейцом и Гамелем путешествием на Кавказ для проповедования Евангелия лезгинам и осетинам [\[17, с. 66-67\]](#).

Доктор Конрад Нейц, член братства гернгутеров, получил известность как организатор производства в Сарепте горчицы и масла. Он основал здесь ручной горчично-маслобойный завод, заработавший с 1810 года на конной тяге. Исследователи считают, что занимаясь миссионерской деятельностью среди калмыков, он узнал рецепт приготовления горчицы [\[18, с. 160\]](#). Известно, что Нейц привез из Петербурга семена горчицы и приступил к селекции путем скрещивания чёрной французской с жёлтой английской горчицей, к которым добавил невкусную дикую волжскую из ильменей и впадин Калмыцких степей и Заволжья. Ему удалось вырастить сизую сарептскую горчицу, известную в наше дни под названием русская горчица. Воейков пишет, что миссионер получил от государя императора «золотые часы за успешное разведение горчицы, совершенно заменяющей английскую и дающую благовонное масло, не уступающее ни вкусом, ни чистотой вкусному оливковому» [\[17, с. 65-66\]](#).

Нейц был знатоком калмыцкого языка и обучал лютеранского пастора Б. Бергмана в Сарепте в 1799 году перед поездкой в улусы. Бергман вспоминал: «В этом поселении братьев-евангелистов я познакомился калмыками, в какой-то степени сам, а частично узнал он них из сведений местных протестантских братьев. Контраст монгольского образа жизни с нашим, самобытность, которую я увидел в характере и образе мышления калмыков: все это побудило меня еще ближе познакомиться с этими интересными людьми. Усилия г-на Нейца из Сарепты, который благодаря своему глубокому знанию монгольского языка и тщательному изучению нескольких монгольских книг, смог дать наилучшую информацию о мифологии монголов, позволили мне написать несколько заметок по этому вопросу» [\[19, с. 19-20\]](#).

Воейков также ссылается на немецкого картографа и астронома Г. М. Ловица, который совместно с П. Иноходцевым совершил экспедицию в Нижнее Поволжье в 1769-1774 годах с целью наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в Гурьеве. Ученые составили историко-географические описания, карты, планы, дневники и путевые заметки, но большая часть их была уничтожена, когда в ходе восстания Е. И. Пугачева в 1774 году Ловиц был казнен яицкими казаками. Иноходцеву, жене и сыну Ловица удалось спастись и вывести часть материалов. В настоящее время они хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук (СПФ АРАН) и в отделе рукописной книги библиотеки Академии наук (ОР БАН), ждут перевода на русский язык и дальнейшего исследования [\[20, с. 6\]](#).

На публикации «Описания» интерес Воейкова к истории калмыков не закончился. Он будет упоминать о кочевниках в «Описании Сарепты», опубликованном в 1822 году в

журнале Ф. Булгарина «Северный архив», травелогах «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды», «Астрахань», размещенных в июльской и августовской книжках «Новостей литературы». Так, описывая общественные места Сарепты, он упомянет лавку для продажи товаров, нужных «для калмыка, немца, русского крестьянина, донского казака, татарина, малороссиянина, путешественника, художника, купца и ученого», напишет, что доход табачному заводу колонии обеспечивают в первую очередь калмыки, пристрастившиеся к табакокурению [\[17, с. 56-57\]](#). В незаконченном травелоге «Астрахань» он вспомнит об историческом свидании Петра I в Саратове с калмыцким ханом Аюкой, которого царь «пригласил его с семейством к обеденному столу и из уважения к маститой его старости, сам встретил его на берегу и вел за руку на свой струг», торжественном богослужении у калмыков, устройстве бурха-ургю (богослужебной кибитки – Е. Д.), ламаистском духовенстве [\[21, с. 63, 70\]](#). Создавая поэтический образ Астрахани, среди ее жителей он назовет калмыков:

«Я видел Астрахань, сей памятник великий.

Там Росс-младенец, полудикий,

Европе славный дал пример

Терпимости всех вер.

Там браминский пагод и подле храм армянской;

И церковь лютеран

С мечетью там магометанской;

Там церковь греко-россиян

В соседстве с церковью католичкой

С гернгутерской стоят

Часовня староверцев в ряд

С кибиткой идолов Калмыцкой» [\[21, с. 55\]](#).

Таким образом, мы убедились, что репрезентация калмыков на страницах одного из самых влиятельных и популярных журналов своего времени, преследовала несколько целей. Практическая цель издателя заключалась в необходимости наполнения редакционного портфеля, просветительская – в ознакомлении русского читателей с культурой кочевников познании чужого мира, осознании себя через постижение иного, имперская – в «ментальном присоединении» региона, населенного носителями иной культурной традиции. В отличие от других травелогов Воейкова, которым как всем «литературным путешествиям» начала XIX века свойственны обильное цитирование, введение лирических отступлений, ряд постоянных сюжетных мотивов, «Описание», ставшее результатом путешествия литератора по южным губерниям России в 1813 году, имеет историко-этнографический характер. Стороннему читателю автор сообщает об истории, образе жизни, хозяйстве, повседневности, религии, культуре кочевников, осведомленному, желающему лучше понять характер и обычаи народа, адресует сказки, повести, пословицы, молитву, фрагменты правовых норм калмыков и описание судопроизводства. Литературный талант и эрудиция позволили Воейкову интерпретировать подмеченные особенности образа жизни и ведения хозяйства

калмыков, умело использовать труды своих предшественников и устные достоверные сведения. В этой связи использование данного произведения калмыковедами представляется целесообразным.

Несмотря на то, что многие современники, пострадавшие от острого языка журналиста, отмечали беспринципность Воейкова как издателя, в «Описании» он старался избежать взгляда на калмыков «сверху» и пришел к выводу, что они заслуживают «все внимание правительства». Идеология издателя проявляется в интенциональной направленности его произведения, обусловленную главным образом задачами просвещения читателя. Литератор показывает ему проблемы калмыцкого общества: нестабильность кочевого хозяйства, огромное влияние владельцев и ламаистского духовенства на калмыков, низкий уровень медицины и образования, архаичное судопроизводство, которые говорят о необходимости дальнейшей интеграции калмыков и совершенствовании системы управления. Основные отрицательные характеристики связаны с суевериями и предрассудками калмыков. О его лояльности говорят отмеченные положительные качества кочевников, уважение к их военному прошлому, высокая оценка значения калмыцкого скотоводства для империи. Аскетичный стиль «Описания» совершенно не похож на обычный стиль критических статей литератора, острый и язвительный полемист уступил место внимательному наблюдателю.

Для создания образа «Другого» в тексте используется ряд лексических средств, к которым можно отнести использование оценочных слов и выражений («суеверные калмыки»), сравнений («калмыцкий образ жизни напоминает первобытные общества человеческие», умные гернгутеры/невежественные калмыки), метафор («мирные пастыри»). В восприятии Воейкова калмыки – полезные отечеству мирные скотоводы, рационально использующие степные просторы, на которых должно быть направление внимание правительства для преодоления отсталости, суеверий и предрассудков.

Таким образом, к многочисленным, не всегда приглядным, «ликам» А. Ф. Воейкова, можно добавить образ исследователя и популяризатора истории калмыков. Во второй половине 1820-х годов, когда его репутация упала, скончалась жена Александра Андреевна, прекратились связи с прежним литературным кругом, издательская деятельность Воейкова угасла. «В глазах молодого поколения, — точно заметил Балакин, — он предстает уже не другом и соратником Жуковского и Батюшкова, а вздорным журнальным педантом, способным ругаться из-за всякого брошенного на него косо критического взгляда» [\[22, с. 159\]](#). Не только «Описание» Воейкова, практически забытое калмыковедами, но и его литературное наследие имеет необычную участь. Некоторые стихи Воейкова включены в большинство курсов истории русской литературы первой половины XIX века, вместе с тем, большая часть его поэтического и публицистического наследия ни разу не собиралась в книги и не изучалась.

Библиография

1. Воейков А.Ф. Описание калмыцкого народа // Сын Отечества. 1822 г. Ч. 75. №5. С. 208-226. №6. С. 244-267. №7. С. С.293-308.
2. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1958. Вып. 63. 193 с.
3. Альтшуллер М.Г., Лотман Ю.М. А.Ф. Воейков. Биографическая справка // Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 259—261.
4. Никитина Д. М. Изучение биографии и творчества А.Ф. Воейкова: систематический обзор // Филологическиенауки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 17-

- 21.
5. Климентьева М.Ф. Литературно-критическая деятельность А.Ф. Воейкова: дисс... к. филол. н., Томск, 2003. 300 с.
6. Тургенев А.И. К ветхому поддевическому дому А.Ф. Воейкова // Поэты 1790—1810-х годов. Библиотека поэта; Большая серия. Л.: Советский писатель, 1971. 912 с.
7. Истрин В.М. Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб.: типография императорской Академии наук, 1911. С. 3-134.
8. Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 752 с.
9. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана». Пг.: б.и., 1915-1916. Т. 1-2. 274 с.
10. Греч Н.И. Воспоминания о моей жизни. М.: Захаров, 2002. 520 с.
11. Петухов Е.Я. Воейков, Александр Федорович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802-1902). Юрьев, 1903. Том II. С. 352-354.
12. Тимашев А.К. Воейков. М.: Молодая гвардия, 1957. 58 с.
13. Мордовченко Н.И. Журналистика двадцатых — тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. VI. Литература 1820—1830-х годов. 1953. С. 579—610.
14. Воейков А.Ф. Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы Ханов Золотой Орды (из дорожных записок) // Новости литературы. 1824. Кн. 9 Июль. С. 1-26.
15. Лебедева О.Б. Национальное, имперское, колониальное как фактор частной жизни: послание В. А. Жуковского «К Воейкову» // Имагология и кампаративистика. 2017. №1(7). С. 93-107.
16. Куприянов П.С. Русское заграничное путешествие начала XIX века : парадоксы литературности / П. С. Куприянов // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59—73.
17. Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный архив, 1822 а № 1. С. 48-69.
18. Митруев Б.Л. Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149—175.
19. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil, Riga, 1804, 352 pp., 12 facs.; zweiter Theil, Riga, 1804, 352 pp.: dritter Theil, Riga, 1804, 302 pp.; vierter Theil, Riga, 1805, 356 pp.
20. Клейтман А.Л. Материалы научной экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева 1769-1774 годов как источники по истории Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 3-8.
21. Воейков А.Ф. Астрахань (из дорожных записок одного путешественника) // Новости литературы. 1824. Август. С. 49-76
22. Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предложения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: «RUGRAM_Пальмира», 2022. 377 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа»»

Предмет исследования – обозначен в названии и разъяснен в тексте.

Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. В работе автор использовал историко-биографический и историко-системные методы. Первый метод позволил показать влияние личности А.Ф. Воейкова на его произведение «Описание калмыцкого народа». А использование историко-системного метода дало возможность показать влияние политических и идеологических факторов на исследование литератора. Автор отмечает, что «в силу неизученности вопроса о вкладе Воейкова в калмыковедение в качестве теоретической базы привлечены лишь труды исследователей его биографии и литературного творчества».

Актуальность работы определяется тем, что изучение труда А.Ф. Воейкова даст возможность специалистам более глубоко изучить данную довольно солидную историко-этнографическую работу, которая мало фигурирует в трудах исследователей. Кроме того, автор отмечает, что представленные в рецензируемой статье результаты могут быть использованы « для дальнейшего изучения наследия А. Ф. Воейкова, так и для исследования истории калмыцкого народа».

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Автор пишет, что в данной статье он ставил следующие задачи: «составить историографический анализ произведения, выявить биографические обстоятельства «знакомства» литератора с калмыками, контекст обращения к их истории, образ калмыков, созданный в «Описании калмыцкого народа».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности, что делает текст статьи легким для чтения и восприятия. Структура работы направлена на достижение поставленных в статье задач. В начале статьи автор отмечает дворянское происхождение семьи А.Ф.Воейкова, что он закончил Московский университет, почти пять лет служил в конной гвардии, затем вышел в отставку и поселился в Москве и в его доме еженедельно проходили собрания «Дружеского литературного общества, в котором сочетались «три ведущие тенденции литературы допушкинского периода: направление мечтательного романтизма, связанное с именем Жуковского; представленное Мерзляковым направление, чуждое дворянской культуре и развивавшее традиции демократической литературы XVIII в., и, наконец, направление Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова ... в деятельности которых отчетливо проступают черты, подготавливающие литературную программу декабризма». Автор исследует и показывает, как и когда начинается приобщение А.Ф. Воейкова к литературному творчеству, отмечает его сотрудничество и работу в журнале и многие другие вопросы. В статье показал и характер Воейкова, его вольнодумство, непростые отношения с непростыми «отношения с В. А. Жуковским и брак с его племянницей Александрой Андреевной Протасовой, адресатом баллады «Светлана»», некоторые черты его непростого характера как семьянина, а также его отношения с коллегами.

Журнал «Сын Отечества», который Н.И. Греч основал в 1812 г. к 1920-м годам из общественно-политического превратился в литературный и став соиздателем этого журнала А.Ф. Воейков задался целью разнообразить материал. А так как он много путешествовал в начале XIX в. «опубликовал ряд обзоров российских губерний, в основу которых легли его дорожные записки, составленные во время путешествий по стране». В 1922 г. он опубликовал и работу «Описание калмыцкого народа». В тексте статьи автор отмечает ценность этой работы, отмечает, что А.Ф. Воейков подошел к написанию этой работы серьезно и чувствуется симпатия к калмыцкому народу и данную работу можно признать серьезным историко-этнографическим очерком. В статье

представлено много интересных данных о калмыках, о их жизни, быте, верованиях, обряды жизненного цикла, празднествах, внешности и т.д. Автор отмечает, что Воейкову удалось показать проблемы калмыцкого общества, положительные качества кочевников, уважение, уважение к их военному прошлому, высокая оценка значения калмыцкого скотоводства для империи. Автор подчеркивает «Аскетичный стиль «Описания» совершенно не похож на обычный стиль критических статей литератора, острый и язвительный полемист уступил место внимательному наблюдателю». В завершении статьи сделаны объективные выводы о творчестве А.Ф. Воейкова и подчеркивает, что «не только «Описание» Воейкова, практически забытое калмыковедами, но и его литературное наследие имеет необычную участь. Некоторые стихи Воейкова включены в большинство курсов истории русской литературы первой половины XIX века, вместе с тем, большая часть его поэтического и публицистического наследия ни разу не собиралась в книги и не изучалась».

Библиография работы состоит из 22 источников (работы самого А.Ф. Воейкова «Описание калмыцкого народа» и «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы Ханов Золотой Орды», работы о Воейкове А.Ф. и других литераторах того периода и т.д.). Библиография в полной мере дала возможность автору раскрыть исследуемую тему и показать значимость путевых заметок Воейкове А.Ф. и его литературного творчества).

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над статьей информации и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.